

Новый евнух, не выдавший свет, при виде обратившегося к нему Гу Цияня тут же рухнул на колени и, опустив голову, почтительно ответил:

— Это завтрак, который повара Императорской кухни приготовили для Господина Наставника по совету Императорского лекаря Хуа. Лекарь Хуа сказал, что господину нельзя есть соль, иначе повредит почкам. Нужно больше мяса и воды, чтобы здоровье было в порядке. В этом мясном пюре девять видов мяса: курятина, утятина, говядина, оленина, баранина, крольчатина, свинина, мясо окуня и перепёлки. Каждый вид — самый свежий, чтобы питание было сбалансированным.

Пока евнух говорил, Пэй Мяо стоял рядом, наострив уши, и лишь перечислив все девять видов, с облегчением выдохнул. Хорошо, что в пюре не добавили крысиного мяса, а то ему бы точно пришлось зарыться от отвращения.

Он взглянул на Гу Цияня и вспомнил, как тот не только помог ему, но и спас жизни Ванцяя и Лянь Цяо. Благодарность тут же поползла вверх, да ещё и прежние недоразумения не давали покоя. Эта смесь благодарности и стыда заставила его особенно встрепенуться при виде Гу Цияня.

Пэй Мяо мелкими шажками подбежал к Гу Цияню, вскочил на стол и, задрвав голову, сладко мурлыкнул, глядя на него сапфировыми глазами. Чёрные, блестящие зрачки, розовый нос и чуть приподнятые уголки губ — весь он был таким милым и сладким, что можно было утонуть.

Гу Циянь, разумеется, поддался на эту умышленную милоту. На миг застыл, потом опомнился, неловко отвёл взгляд и незаметно покраснел до ушей. Чуть погодя откашлялся и, указав на тарелку с мясным пюре, спросил:

— Господин Наставник, хотите отведать это пюре?

Пэй Мяо посмотрел на пюре, брезгливо мурлыкнул и на глазах у всех снова сделал движение, будто закапывает что-то.

Евнух с лицом, словно скрюченным от запора, смотрел на своего господина, несколько раз порывался что-то сказать, но в итоге предпочёл отойти в сторону и молчать.

А Гу Циянь, с улыбкой в глазах и скрытой нежностью, отодвинул тарелку:

— Раз Господин Наставник не желает, пусть Императорская кухня приготовит что-нибудь ещё.

Помолчав, он повернулся к Пэй Мяо:

— Вчера на охоте я подстрелил оленя, уже велел доставить во дворец. Не соблаговолит ли Господин Наставник посетить мой дворец Чансинь и отведать его?

Пэй Мяо, ещё не наевшийся, при слове «оленина» загорелся и быстро закивал, боясь, как бы Гу Циянь не передумал.

Гу Циянь рассмеялся, глядя на вертящиеся мягкие уши Пэй Мяо. Так захотелось их потрогать, что он так и сделал.

Мягкие и упругие кошачьи уши коснулись кончиков пальцев, и пушистость эта пронзила сердце. Гу Циянь не мог оторваться, будто руки его приросли к этим ушкам.

Но такая близость заставила Пэй Мяо почувствовать неловкость. Уши — самое чувствительное место, даже шерстинку тронешь — вздрогнет. А тут вся раковина в ладони Гу Цияня, тепло сквозь тонкую кожу передаётся, и от этого и смутно, и сердце бьётся. Хотелось вырвать ухо и почесать лапой, но, вспомнив про недоеденную оленину, он замер, позволяя Гу Цияню теребить кончик.

Служанки и евнухи во дворце с завистью смотрели на пальцы Гу Цияня, гладившие кошачье ухо. Ох, как бы самим не оказаться на его месте!

Ушки Господина Наставника такие прелестные — целую жизнь с ними играть можно!

Минута прошла, две, три... На пятой Пэй Мяо уже не выдержал. Уставился на Гу Цияня большими влажными глазами, жалобно мяукнул — вся мордочка выражала обиду.

Все присутствующие снова пали от такой милоты. Почему же их Господин Наставник такой очаровательный? Почему?!

Гу Циянь с сожалением убрал руку, кончики пальцев всё ещё помнили мягкость. Он прикрыл рот кулаком, слегка кашлянул:

— Раз Господин Наставник согласен, пойдёмте. Оленина, пожалуй, не потерпит.

Повернулся к Пэй Мяо, в глазах играла улыбка:

— Господин Наставник не против, если я понесу вас? Ночью дождь прошёл, дорога, должно быть, мокрая.

Межсезонье — пора дождей. Хорошо, что дожди уже не такие затяжные, как весной, быстро кончаются, но лужи на дорогах остаются, ходить неудобно.

Пэй Мяо поднял лапку, посмотрел на розовые подушечки с белыми волосками меж пальцев. Если ступить на сырую землю, шерсть промокнет и испачкается — одна мысль об этом неприятна.

Коты — чистюли, себя с ног до головы вылизывают: перед сном, после сна, после еды, да и просто когда настроение хорошее. Став котом, Пэй Мяо перенял эту привычку.

Чтобы лапки не запачкались, он, не раздумывая и секунды, протянул их Гу Цияню — ясно давая понять: на руки!

Когда маленький котёнок с невинными глазами протягивает лапки, просясь на руки, что сделаешь? Гу Циянь не знал, как поступили бы другие, но сам он тут же взял котёнка.

Одной рукой обнял за спинку, другой поддержал под попу, устроив у себя на руках.

Ладонь легла на мягкий животик Господина Наставника, слегка вьющийся пух был густым и шелковистым — прикосновение словно к лучшему шёлку.

Гу Циянь улыбнулся, лицо его смягчилось. Господин Наставник сам устроился поудобнее, передние лапки положил на его руку, круглые подушечки так и просились, чтобы их потискали.

Задние лапки поджал под живот, прикрывая одно стыдливое место, а пушистый, беличий хвост свободно свисал, лишь кончик слегка подрагивал.

И главное — весь Господин Наставник был мягкий, куда ни нажми — будто в вату проваливаешься, будто и костей нет, так и обмяк на руках. А в сочетании с невинными голубыми глазами — и сам Гу Циянь смягчился.

— Мяу, — тихонько промурлыкал Пэй Мяо, голосок сладкий-пресладкий. Приоткрыл ротик, показав острые молочные зубки, лапкой тронул руку Гу Цияня и указал на дверь — пойдём же скорее!

Гу Циянь рассмеялся, но тут к нему подошёл незнакомый евнух, весь сжавшись. Лицо его было похоже на сморщенный орех. Он покосился на Пэй Мяо и нерешительно проговорил:

— Второй принц, господин... господин только что из отхожего места, ещё не обтёрся.

Пэй Мяо: «...»

Гу Циянь: «...»

Сяо Доуцзы: «...»

Гу Циянь застыл, глядя то на руку, что держала попу Господина Наставника, то на его невинное лицо. Собрав волю в кулак, сквозь зубы проговорил:

— Ничего, я сам оботру.

Пэй Мяо: «...!!!»

Сяо Доуцзы: «!!!»

Все евнухи и служанки: «...»

Тёплую воду в хрустальном тазу внесли в покои. Служанка намочила шёлковый платок, отжала и подала Гу Цияню.

Платок был плотным и мягким, отлично впитывал — Император Цинлун специально велел Ткацкой мастерской соткать его для Пэй Мяо. Назначение очевидно.

Тем временем Пэй Мяо лежал на спине, зафиксированный на бёдрах Гу Цияня, все четыре лапки вцепились в собственный хвост, наглухо прикрывая один скромный цветочек.

Кроме державшего его Гу Цияня, вокруг стояла толпа служанок и евнухов — все с жадным любопытством наблюдали, как ему вытирают попу.

Пэй Мяо готов был сгореть от стыда, мордочка пылала, глаза стали влажными от обиды и негодования, отчего чёрные зрачки казались ещё ярче.

Чтобы сохранить последние остатки человеческого достоинства, он ещё крепче вцепился в хвост — точно оскорблённая невеста — и яростно устался на этих бесстыдников.